

Бог не скинут

ИСКУССТВО, ЦЕРКОВЬ, ФАБРИКА

1

Началом и причиной того, что называем в общежитии жизнью, считаю возбуждение, проявляющееся во всевозможных формах — как чистое, неосознанное, необъяснимое, никогда ничем не доказанное, что действительно оно существует, без числа, точности, времени, пространства, абсолютного и относительного состояния.

Второй ступенью жизни считаю мысль, в которой возбуждение принимает видимое состояние реального в себе, не выходя за пределы внутреннего. Мысль — это процесс или состояние возбуждения, представляющееся в виде реального и натурального действия. Мысль потому не есть нечто такое, через что возможно размыслить проявление, т.е. понять, познать, осознать, знать, доказать, обосновать, нет, мысль — только один из процессов действия непознаваемого возбуждения. Ничто поэтому на меня не влияет и «ничто» как бытие не определяет моего сознания, ибо все — возбуждение как единое состояние без всяких атрибутов, называемых общежитийским языком. Все то, что через мысль как средство раз-мыслия, рас-крывающее действительное, умеющее раз-делить действительное от недействительного и таким образом показать человеку тот или иной предмет в его точности и действительности, — абсурд есть, на самом деле видим всегда то, что не можем никогда познать и видеть действительно. И то, что проявляется человеком или в мире

УНОВИС.

БОГ НЕ СКИНУТ

**ИСКУССТВО,
ЦЕРКОВЬ,
ФАБРИКА.**

К. МАЛЕВИЧ.

Обложка брошюры К. Малевича
«Бог не скинут. Искусство, церковь,
фабрика». Витебск, 1922

вообще, несмотря на все его «наглядные», «научные» и «другие» обоснования, остается недоказанным, ибо все проявления — результат непознаваемого возбуждения.

2

Беспричинное возбуждение Вселенной, как и всякого другого проявления во всех распылениях, не имеет закона, и только когда возбуждение распыляется на состояния реального и натурального, появляется первый закон, т.е. ритм — первый и наиглавнейший закон всего, проявляющегося в жизнь, без этого ритма ничто не может двигаться и создаваться, но ритм не считаю за музыку, ибо музыка, как и все, основывается на этом законе. Музыка, как и все, ограничена, но ритм неограничен. Музыка ритм машины может быть чужд, музыка — действие, пытающееся связать в единство ритмы. Инженер связывает ритмы в машину. Мы же, однако, не считаем инженера за композитора. В своих сравнениях нужно уловить то, что музыка не есть закон ритма, но нечто строящееся на ритме проявления.

3

Возбуждение и мысль считаю главнейшими основами жизни общежития человека и во всем, что возбуждено и мыслит в себе. Но разделяю всю жизнь на три состояния возбуждения: первым <назову> возбуждение, вторым — мысль в реальном и <третьим —> реальность в натуральном, другими словами сказать — действительный факт как натуральное. Последние три раздела создают множество между собою отношений, и создается жизнь общежития. Все же факты жизни общежития разделяются на два состояния, внутреннего и внешнего; ко внутреннему нужно отнести те факты, которые пребывают в духовном или в возбуждении, такие факты называются одухотворенными, те же факты, в которых возбуждение находится в самом малом отношении, называются внешними. Но это точка общежития, на самом деле чистое проявление возбуждения в созерцании натурального никогда не достижимо, и то, что называем внутренним, никогда реализовать нельзя.

Оно всегда находится внутри и не поддается ни реальному, ни натуральному; ни первого, ни второго познать нельзя как возбуждение, и чтобы закрепить бесконечное, очертить его границы, — общежитие прибегло к одному закону условности, и потому жизнь принимает вид исключительно условный и напоминает собою великую детскую, в которой дети играют во всевозможные игры с представляемыми условностями, переживая действительность, — строят башни, замки, крепости, города, потом разоряют, после опять

строят; родители считают этот факт бессмыслием, но забывают только то, что детского бессмыслие — результат взрослого бессмыслия.

4

Человек в своих проявлениях стремится в мысли своей достигнуть совершенства, т.е. передать действительность своего возбуждения, но в тот момент, когда проявляет форму, забывает про то, что форма — условность, в действительности формы — не существует, как же тогда возможно проявить ему возбуждение, когда возбуждение не есть форма — не имеет границ; второе — допустим, что условность будет условною реальностью или натуральностью, но и в тот момент само возбуждение условно выйдет вовнутрь формы, но как только форма проявлена, делается мертвою, ибо завершила в себе определенное совершенство, вернее, шаг совершенства — мысль же ушла в возбуждение другой формы, более совершенной по выявлению возбуждения, и таким образом жизнь мы видим в формах как степень возбуждения, но общезнание видит в жизни предметные, практические, законные формообразования — следовательно, сущность возбуждения как беспредметное в практическом сознании считается предметным.

5

Возбуждение — космическое пламя — живет беспредметным и только в череде мысли охлаждает свое состояние в реальных представлениях своей неизмеримости, и мысль как известная степень действия возбуждения, раскаленная его пламенем, движется все дальше и дальше, внедряясь в бесконечное, творя по-за собою миры Вселенной. Возбуждением как духовным внутренним дорожит человек и превыше всего ставит его в жизни. Дорожит внутренним и о внутреннем хлопочет, в этом истинный план человека, стремящийся внутреннее передать в жизнь, и борется с внешним, все внешнее хочет превратить во внутреннее. Возбуждение как космическое пламя колыхается во внутреннем человека без цели, смысла, логики, оно беспредметно в действии. Стремление человека сделать свои проявления внутренне одаренными — стремление доказать их возбуждение, но т.к. всякое его проявление проходит в предметный план практического, то возбужденность не может выразиться во всей ее чистой силе. Человек как мысль и возбуждение заботится о совершенстве своей жизни. Мыслит ли и заботится природа о своих совершенствах, или же она некогда помыслила о них и больше не мыслит, все стало в вечности движения и не требует никаких совершенств, ни ремонта, человеку же осталась забота о совершенствах своей жизни и ремонте. В этом, пожа-

луй, его разделение с природой, он мыслит о совершенствах, природа же больше не мыслит; или же, может быть, мысли их различны. Различие их в том, что природная мысль — простое действие беспредметных явлений, его же мысль практическая предметная, и потому его жизнь зарождается в вечном ремонте и совершенстве, и, вооружившись напильником, он хочет распилить природу и дать ей новый смысл, хочет превратить ее в предметное осмысленное состояние, хочет сделать ее умной, размышляющей о сложных вопросах, а у ней нет ничего этого, и распилить ее нельзя, ибо нет в ней материальной единицы и формы. В ней нет и границ. Все это он стремится в ней построить и совершенствовать ее. Думая о совершенстве природы, мысль его уходит все дальше, и все больше и больше разделяет их пропасть — пропасть эта его безумная культура о совершенствах предметного мира. Природа стала для него тайной — тайна стала перед мыслящим его челом, зорко всматриваются глаза и напряжен слух, разум напрягает все усилия рассудка, чтобы рассудить ее, следит за каждым ее движением, чтобы понять ее; но, увы, бесконечность не имеет ни потолка, ни пола, ни фундамента, ни горизонта, и потому слух его не может услышать шелеста движения, глаз не может достигнуть края, ум не может постигнуть. Разум ничего не может раз-умить, рассудок ничего не может рас-судить, ибо нет в ней ничего такого, что бы возможно было рас-судить, раз-умить, раз-глядеть, нет в ней единицы, которую возможно взять как целое. Все то же, что видим как будто отдельно, единично, ложь есть, все связано — и развязано, но ничего отдельного не существует, и потому нет и не может быть предметов и вещей, и потому безумна попытка достигать их. Что же возможно обнять, когда не существует ни линии, ни плоскости, ни объема; нет того, что возможно обмерить, и потому геометрия — условная видимость несуществующих фигур. Нет той точки, от которой возможно было бы провести линию, нельзя установить точку даже в воображении, ибо само воображение знает, что нет пустого места, нельзя также и провести линию и другой фигуры, ибо все занято и заполнено, и сама точка или линия уже множество, уже бесконечна и вширь, и вглубь, и в высоту, и во время, и в пространство, и все в бесконечности будет ничем, т.е. необъятным для сознания думающего овладеть выявлениями линии или объема и плоскости. Мир как скважность, и скважность не пустотелая. Так что же вырежу в этой бесконечной скважности — сито, линию или точку и могу ли из этого скважного сита изъять линию или точку, и в этом, может быть, действительность, а мы, видя линию или объем, уверены в их реальности и существовании.

6

Человек собирается постигнуть и узнать «все», но есть ли это «все» перед ним, может ли это «все» положить перед собою на стол и его исследовать и описать в книгах, и сказать: вот книга, где «все» описано, изучите ее и будете все знать. Мне представляется, что исследовать, изучить, узнать возможно только тогда, когда я смогу вынуть единицу, не имеющую никакой связи со всем окружающим, свободную от всех влияний и зависимости, если я сумею это сделать, познаю ее, если же нет — не познаю ничего, несмотря на массу данных выдержек и заключений. Закончит ли следователь дело по исследованию убийства тот, что найдет убийцу и причину, заставившую убить с целью ограбления ценности, или же ему нужно доисследовать его психологию, нервную и т.д. стороны. Потом обвинить государство в его системе, не предвидевшей преступности, не сумевшего распределить ценности и пр.

7

Природа скрыта в бесконечности и многогранности и не раскрывает себя в вещах, в своих произведениях она не имеет ни языка, ни формы, она бесконечна и необъятна. Чудо природы в том, что в маленьком зерне она вся, и между тем это все не объять. Человек, держащий зерно, держит Вселенную и в то же время не может ее разглядеть, несмотря на всю наглядность происхождения последнего и «научные обоснования». Нужно это маленькое зерно раз-умить, чтобы раскрыть и всю Вселенную.

8

Все вещи — признаки возбуждения, вводящие человека в возбуждение, т.е. вещи как признаки того, что в них существует возбуждение как беспредметное состояние. Вещь из вещи, возбуждение из возбуждения, из начала в начало, из беспредметного в беспредметное — полное бессмыслие вечного кругозора заполняет свой пробег вихрями колец пространства. Все человеческие смыслы тоже движутся в вихре предметов, гонят их практическое и экономическое сознание, опора всего смысла и логики, но, несмотря на последнее, равны бессилию первому, ибо по обоим концам для всех предметных смыслов стоят полюса бессмыслия, как зияющие бездны, поглощающие своей недосыгаемостью, несут в вихре эпоху за эпохой совершенств в ничто.

9

Череп человека представляет собою ту же бесконечность для движения представлений, он равен Вселенной, ибо в нем помещается все то, что

видит в ней; в нем проходят также солнце, все звездное небо комет и солнца, и так же они блестят и движутся, как и в природе, так же кометы в нем появляются и, по мере своего исчезновения в природе, исчезают и в нем, все проекты совершенств существуют в нем. Эпоха за эпохой, культура за культурой появляются и исчезают в его бесконечном пространстве.

Не будет ли и вся Вселенная тем же странным черепом, в котором без конца несутся метеоры солнц, комет и планет, и что они тоже одни представления космической мысли, и что все их движение и пространство и они сами беспредметны, ибо, если бы были предметны, — никакой череп их не вместил. Мысль движется, ибо движется возбуждение, и в движениях своих они творят реальные представления или в творчестве сочиняют реальное как действительность, и все сочиненное изменяется и уходит в вечность небытия, как и пришло из вечного бытия. И это вечное служит вечным исследованием человека, само же исследование простое сочинение представлений, а вернее, того, что не может себе представить, ибо если бы человек смог что-либо представить, была бы конечность для него. Жизнь и бесконечность для него в том, что он ничего не может себе представить — все представляемое так же неуловимо в своей бесконечности, как все. Таким образом, существует для него трудность сочинения, трудность постижения действительности, установить действительность ему не удастся, ибо нет момента, который не изменился бы бесчисленно раз. Сумма его неустойчива, колебания ее бесконечно трепетны в волнах ритма, и потому ничего нельзя установить в этом ритме возбуждений, само представление мерцает как звезда, и нет возможности за мерцанием установить ее действительность, установить предметы.

10

Исследовать действительность — значит исследовать то, что не существует, то, что непонятно, а непонятное для человека несуществующее, следовательно, исследованию подлежит несуществующее. Человек определил существование вещей, заранее для него непонятных, несуществующих, и хочет исследовать их, взять любую из вещей, определенных человеком, и попробовать ее исследовать, и мы увидим, что она сразу под напором исследующего орудия распадется на множество составных вещей, вполне самостоятельных, и исследование докажет, что вещи не существовало, существовала только сумма вещей. Но какая же это сумма вещей, в каких цифрах она выразится, для этого необходимо выяснить сумму каждой вещи распавшейся суммы; приступается к исследованию распавшихся вещей, и при напоре исследования вещи распадаются опять на множество вещей; исследование вещей до-

кажет то, что и распавшиеся вещи в свою очередь распались на самостоятельные вещи и породили массу новых связей и отношений с новыми вещами, и так без конца. Исследование докажет, что вещей не существует, и в то же время существует их бесконечность, «ничто» и в то же время «что». Итак, исследование ничего не принесло в понятие, оно не начертило суммы вещей, ибо если бы пыталось дать сумму, то принесло целый ряд цифр, бесконечность которых не была бы прочтена. Общежитие поступает просто с этой суммой, рассекает ее, устраивает себе понятную сумму, размножая ее без конца по своему понятному плану. Также предполагаю, что и вся наука, как научные обоснования чего-либо, поступает так же. Разбивая бесконечную вереницу бессмысленного строя цифр на отдельные суммы, общая сумма которой не может быть известна, общежитие радуется, что прочло сумму, и, следовательно, она ясна и понятна, но это только радость общежития и обман, в действительности же оно ничего не поняло, ибо не прочло всех страниц. Не существует ни первой, ни последней страницы, также неизвестны ни первые, ни последние цифры. Какие цифры стоят в вещи и какую составляет вещь цифру общей суммы. Итак, нельзя построить суммы, как нельзя построить предмет.

11

Перед человеком стоит мир как неизменный факт действительности, как незыблемая реальность (говор общежития), однако в эту незыблемую реальность как действительность не могут войти двое, чтобы вынести одну сумму, одинаково измерить. Сколько бы ни вошло в эту действительность людей, каждый принесет иную действительность, а иной ничего не принесет, ибо не увидит ничего действительного — каждый принесет свое суждение о той вещи, которую пошло видеть, их суждение и будет действительностью, доказывающей, что нет того объекта, о котором идет речь, ибо даже сами суждения при взаимном обмене создают множество оттенков противоречий. Поэтому то, что называем действительностью, — бесконечность, не имеющая ни веса, ни меры, ни времени, ни пространства, ни абсолютного, ни относительного, никогда не очерченного в форму. Она не может быть ни представляемой, ни познаваемой. Нет познаваемого, и в то же время существует это вечное «ничто». Человек же вечно озабочен тем, чтобы все у него было обосновано, обдуманно, и тогда только приступает к постройке вещи, строя ее на крепком научно-обоснованном фундаменте, позабывая о том, что крепкий фундамент для вещи строит на том, что не имеет фундамента. Такова его нерушимая предметная логика.

12

Человек тоже космос или Геркулес, возле которого вертятся солнца и их системы, так, возле него в вихре вертятся все созданные им предметы, он, как Солнце, руководит ими и влечет за собою в неведомый ему путь бесконечного, как Вселенная со всеми своими возбуждениями, может быть, стремится к единству, так и все его распыленные «предметы» составляют единство его центра, который в свою очередь движется по путям вселенного увлечения. Так единство за единством, включаясь друг в друга, стремится в бесконечный путь беспредметного.

13

Человек, находясь в ядре вселенного возбуждения, чувствует себя перед тайной совершенств, пугаясь мрака тайны, он спешит их узнать, узнать же он может через совершенствование (суждение общежития), ибо только творя совершеннейшее орудие, познает или разрушает тайну, так говорит логика общежития. Так все явное в природе мощью своего совершенства говорит ему, что Вселенная как совершенство — Бог. Постижение Бога или постижение Вселенной как совершенного стало его первенствующей задачей. Постижение — познание всех проявлений природы, просто природы, не придавая ей первенства или титула совершенства, или нет, все-таки без этого познания ее мудрости человек не может сделать никакого совершенства, следовательно, путь его жизни — путь постройки совершенств, жизнь — путь последних. Такова точка всего общежития. Человек стал размышлять о всех явлениях в природе, и на основании их сил разумных познаний предлагает строить свой мир представлений. Признав Вселенной совершенство — признал Бога и тем самым признал то в природе, что она не мыслит, мыслит только он, ибо Бог как абсолют совершенства природы не может больше мыслить. Таким признанием он выделил себя в мыслящее существо и вывел себя из совершенства Божеского творения. Какие причины побудили его к этому выходу? Мне не представляется, как он вышел, выключил себя из общего абсолютного совершенства и почему ему стала необходимость мыслить, раз все уже было в абсолютном? Он, единый, стал устремляться к познанию природы как Бога совершенств; вышедши из немислия как абсолютного совершенства, опять стремится через путь своих совершенных предметов воплотиться в совершенство абсолютного немислящего действия, как будто какая-то неосторожность случилась, как будто соскользнул и выскочил за борт абсолютного.

И таким образом он как частица абсолютной мысли, вышедшая из общей орбиты движущегося абсолюта, стремится теперь включить себя в орбиту. Может быть, поэтому в земле собирает свое тело, чтобы бросить его в бесконечность. Сначала сам освободил ноги свои, потом поднял их, и это было первым отрывом от земли, и так постепенно, через быстроту колес к крыльям аэропланов, все дальше и дальше к границе атмосферы, и потом дальше к своим новым орбитам, соединяясь с кольцами движений к абсолюту. Стремясь преодолеть совершенства, он вынужден строить свою природу — отсюда видно, что человек еще не воплощен всемирной или абсолютной мыслью как совершенство; он только движется к ней, путь его идет к человечеству, а оттуда к Богу как совершенству. Мысль его напряжена, и первым словом на устах его есть слово совершенство, или практическая вещь в преодолении вопросов его жизни, а т.к. совершенство — Бог, то первое слово его всегда будет Бог. Через все свои производства он, в надежде достигнуть Бога, или совершенства, собирается достигнуть трона мысли как абсолютного конца, на котором он уже не как человек будет действовать, но как Бог, ибо он воплотится в него, станет совершенством. Но что же для этого нужно сделать — немного, управлять звездным пространством солнц, вселенными системами. А пока что Земля наша будет его уносить в безумном своем падении в бесконечное ничто, в звоне беспредметного движения ритмического вихря Вселенной.

14

Человечество через свое усилие выделяет из своей среды мысль, которую возводит на трон правления, или же новая истина возбуждает человека и, поселившись в нем, возводит себя на трон нового пути. Все истины заложены в человечестве и загораются в нем, и потому истина стремится пробудить себя во всем, чтобы передвинуть все в новый путь. Такая мысль истины уже не человеческая, ибо творит через свой приказ «Да будет». Она высшее начало над людьми, она мыслит за них, сами они ничего не мыслят, как не мыслят о том, куда и зачем движется Земля и куда она их уносит. Такая мысль только искра того, что достигнуть должно человечество в будущем как целостное единство, поэтому каждый стремится воплотиться во вселенскую мысль как чистую мысль, чтобы стать в троне единой мысли как абсолютном совершенстве. (Общежитие.) Итак, к абсолютной мысли движется человечество через свои производства (хотя видит в нем простые предметы потребления.) Какая же мысль всего производства в его конечности? — одна — освобож-

дение от физической действительности в новый акт действия. Совершение актов в чистой мысли достигнет того, что мысль будет средством перевоплощений (неизбежный результат из условия достижения совершенства общежития). Вся же ныне физическая действительность возложится на новые организации самопроизводящих в вечном, как это достигнуто в природе. Освобождение человека от физического труда есть условие техники, в этом ее сущность. И потому нельзя ли оправдать легенду или действительность о Боге как конечной цеди всех суждений и совершенств общежития. Также оправдать легенду о сотворении рая и изгнании человека из него, в котором ему была дана возможность одного созерцания вечного, самотворящего, непогрешимого движения Божеского техникума, построенного без помощи науки, университетов, грамоты, инженеров, интеллигенции, рабочих и крестьян.

15

Величайшее самопроизводство в торжестве освобожденного Бога от творения было брошено в бесконечность. Бог этот, совершеннейший мыслитель (общежитие), через мысль свою творил мир, не употребив ни одной минуты труда (за исключением лепки человека из глины), через шесть раз («Да будет») построил мир. Шесть дней творения — и стала Вселенная — образец Божеского совершенства (общежитие), в котором человеку, как тоже совершенному земли творению, была предоставлена первенствующая роль над всем в раю. Но оказалось впоследствии, что человек не был совершенным, он согрешил. Грех отсюда — не что иное, как результат несовершенства системы — преступность ее последствия. Если бы Бог построил в совершенстве систему, не согрешил бы Адам, а если бы человек построил свой рай — государство, не было бы в нем ни суда, ни преступления. В чем же заключается ошибка? Вся ошибка в том, что в системе был установлен предел. Система, не имеющая предела, не имеет дефектов. Бог, очевидно, как будто для испытания установил предел, и испытание его дорого после обошлось. Рай рухнул, и вместо того, чтобы в его системе было совершенство через предел, оно стало разрушаться. Итак, в запрете лежат греховности и несовершенства. В жизнеустройстве человека все его области развиваются через запреты, т.е. установленная истина устанавливает запреты для новой же.

Область даже техническая находится в положении запретной истины, кажется, ее область очень наглядна в практическом смысле, однако многим изобретателям пришлось погибнуть (Моллер — изобретатель чулочно-вязальной машины утоплен жителями Данцига), и действительно, постройка систе-

мы проходит не иначе, как через преступность, разрушение предыдущей системы и постройку новой; каждая система есть построение единиц так, чтобы, двигаясь каждая в своем назначенном месте, не могла выйти по-за пределы системы. Крушение системы неизбежно, когда одна единица выходит по-за пределы ее, и нет системы, когда единицы не введены в ее пределы. Совершенство системы означается тем, что всякая единица, получая свободное движение, не испытывая давления, все-таки не может выйти за пределы системы. Таковую систему назову родовой. Родовые сцепления и творят родовые системы. Почему-то грехопадение системы постигло только земной рай, но не всю Вселенную, и даже сама Земля не стала в этом грехе, и потому вижу, что вселенная безгрешна в системе. Она, родовая система, не знает ни запретов, ни пределов, ни границ, ни законов. Нет в ней разрушения и не может быть, ибо исчезновение планет, разрушение их, то, что общежитие называет катастрофой, в ней не существует. Родовые сцепления останутся в своей силе и жизни движения, а т.к. нет в них совершенства общежития, то формы их, те или другие, вечно равны в своих сцеплениях, их сознание никогда не исчезает. Адам преступил границу запрета, и было достаточно, чтобы род его весь наказать изгнанием. Началась история его человеческого страдания, пота, мозолей, кровопролития, история труда. Так ужасно был наказан Богом человек. Рай рухнул, все разбежалось и одичало. Благо рая исчезло, а ведь Адам должен был только созерцать вечное прекрасное движение, даже ничего не мыслить, ибо обо всем помыслил Бог.

16

Итак, Бог задумал построить мир, чтобы освободиться навсегда от него, стать свободным, принять на себя полное ничто или вечный покой как на мыслящее большое существо, ибо не о чем больше мыслить — все совершенно. Тем же хотел одарить и человека на земле. Человек же не выдержал системы и переступил ее, вышел из ее плана, и вся система обрушилась, и вес ее пал на него. Другими словами сказать, Бог, чувствуя в себе вес, распылил его в системе, и вес стал легким и обезвесил его, и поставил человека в безвесной системе, и человек, не чувствуя его, жил подобно машинисту, не чувствующему вес своего паровоза в движении, но стоит ему вынуть часть из системы, вес ее ляжет и задушит его. Так и Адам преступил за пределы системы, и вес ее обрушился на него. И потому все человечество трудится в поте и страданиях, что освобождается из-под веса разрушенной системы, стремится вес распределить в системах, вновь собирается исправить ошибку, и

потому культура его и состоит в том, чтобы вес распределить в системы безвесия. И так каждая система, новая попытка, новая кровь освобождения.

Все скорее и скорее хочет человек пробежать системы, терпя невзгоды, все быстрее хочет пробежать площади наказаний и преступлений, и неужели в образе наказаний все преследует его мстящий Бог, неужели через строй ангелов и дьявола человеку суждено проходить под их бичом и не потому ли бежать, чтобы пробежать эту мысль Божеского строя, полосу преступлений и наказаний? пробежать законы и очутиться в беззаконном пути? выйти, наконец, в страну человечества, где бы перестал самобичевать себя (общезитие). Это вторая точка рассуждения. Третья точка или причина его бега в борьбе — «борьба за существование», которую искать нужно в весе или первом предположении в борьбе с весом, чтобы тяжестью своею не задушил его. И четвертая точка — стремление к Богу-совершенству, в котором наступит благо. На этих четырех предположениях можно базировать причины возникновения всех родов производства человека. Следовательно, в первом случае причину к творчеству в Боге мира Вселенной предполагаю весораспределение, освобождение в безвесии. Бог снял с себя вес, или Бог как вес распылил себя в безвесие, но, распылив мысль в безвесие, сам же остался на свободе. Тоже и человек во всех трех пунктах стремится к тому же, к распределению веса <, чтобы> и самому стать в невесии, т.е. войти в Бога. Но так ли, верно ли, чтобы человек стремился к Богу, с которым произошел разрыв? Человек стал преступником, сосланным им на вечную каторгу труда, разошлись ли они совсем или же нет? Нет, Бог его не оставил, с каждым шагом человека продвигается сам, или человек не может сделать шагу без Бога (общезитие). Бог его сопровождает сегодня, вчера и завтра, и так они вдвоем идут изо дня в день, в труде распыляя вес греховный. И в том, что они идут вместе, творится жизнь. Куда же они идут? Идут к себе, к совершенству, к вечному покою, и человек идет через все свои усилия. Все усилия его — производство совершенств, и потому только, что они представляют собою шаги к совершенству, имеют цель и смысл. Но в то же время, идя к Богу, он собирает его свергнуть, но как это сделать и что нужно сделать, чтобы Бога свергнуть, раз Бог в каждой его вещи творений. Ведь каждая вещь построена на совершенстве, т.е. построена в Боге. Конечно, каждая вещь еще не есть Бог, ибо она идет к Богу, она есть мысль, а мысль еще не Бог как вечный свободный покой. Свергнуть Бога — свергнуть совершенство вещей, а человек стоит на этом совершенстве, в нем пока находится существо. Итак, общезитие построило себе Бога, ибо беспредметная Вселенная не сказала о его присутствии ни слова,

она не указала человеку место его пребывания. Он сам заключил, что природа — признак, говорящий о великом творце непостижимых бесконечных явлений. И постройка Бога как абсолютного совершенства построена крепко. По-разному народы рисуют Бога, но как бы ни рисовали, все представления сходятся в одном, что Бог — совершенство. Определение Бога как совершенства — абсолютное совершенство, а что же перед человеком вечно стоит, как не один вопрос о совершенстве, это и будет его Богом, другими словами выраженным.

17

Каждый человек спешит к совершенству своему, стремится быть ближе к Богу, ибо в Боге его совершенство, следовательно, каждый шаг человека должен быть направляем к Богу, для чего он изыскивает пути или средства — просто ищет Божеских признаков. Думая о достижениях, он построил себе два пути. Религиозный техникум и гражданский или фабричный, церковь и фабрику. Религиозный техникум стремится сделать человека современным в духе и через духовное совершенство стремится достигнуть Бога. Религиозный техникум меняет свои системы, совершенствует их. Отсюда появление множества религиозных систем, представляющих собою ближайшую дорогу достижения Бога. Два техникума идут к одинаковой цели, перед обоими совершенствования технических вопросов, через которые возможно достигнуть или разрешить цель. Как в глубоком <, так> и внешнем смысле тоже одинаково, обрядность, святое отношение, поклонение, вера, надежда на будущее. Как церковь имеет своих вождей, изобразителей совершенных религиозных систем, так и фабричный техникум своих, первый чтит и почитает своих, второй — своих. Также стены обоих украшены ликами или портретами, также по достоинству и рангу как в первом <, так > и <во> втором существуют мученики или герои, также имена их заносятся в святцы. Таким образом, разницы нет, со всех сторон все одинаково, ибо и вопрос одинаков, цель одинакова и смысл — искание Бога. Если Христос сказал «не ищите нигде Бога, как только в себе», то и любой техник может сказать, ищите совершенства вещи только в себе, но как в первом, так и <во> втором этого места невозможно найти и в себе, ибо где я начинаюсь и где кончаюсь (какие безумные искания придумало общество), но, несмотря на все, человек ищет Бога через два пути. Скорее между ними идет или может идти только в плоскости, какая из систем скорее достигнет того места, где в первом случае будет Бог, во втором совершенство практическое, а не в обвинениях и предрассудках, ибо как первое, так и

второе можно обвинить в предрассудке, первого в достижении Бога, второго в достижении совершенства. Если же обвинитель не сможет обвинить, то докажут только, что оба движутся к Богу как человеческому пределу совершенства. Углубляясь же в вопрос совершенства, мы найдем, что достижение Бога или совершенства как абсолюта — предрассудок.

18

Бога человек сделал абсолютным совершенством умышленно или случайно, но, во всяком случае, в определение Бога в абсолютном им был установлен предел, ибо в противном случае никогда бы не достиг Бога. В абсолюте предел совершенств, и если бы Бог не имел границ, то человеку не представилось бы возможным достигнуть его. Но другая сторона говорит другое; например, Вселенная не имеет границ совершенства, как Бог, безгранична; поэтому установить абсолют трудно. Но с точки зрения церкви Бог безгрешен, следовательно, абсолют устанавливается совершенством непогрешимости, но сама непогрешимость, как и совершенство Бога, должна заключаться в самом ужасном, это в смысле; вот об этот камень разбиваются два пути, фабрики и церкви. Бог должен быть смыслом, а потому его совершенство должно иметь смысл. Какого же смысла он достигает, и может ли Бог достигать смысла, нет, если Бог будет достигать смысла, то он достигает нечто большего, чем сам, следовательно, он не может быть сам смыслом, он только смысл человека; с другой стороны, если он в себе не смысл, то какой же смысл видит человек и чего хочет достигнуть, какие же должны быть смыслы, приведшие его к совершенству, и к какому. Бог не может быть смыслом, смысл всегда имеет вопрос «чего», следовательно, Бог не может быть и человеческим смыслом, ибо, достигая его как конечного смысла, не достигнет Бога, ибо в Боге — предел, или, вернее, перед Богом стоит предел всех смыслов, но за пределом стоит Бог, в котором нет уже смысла. Итак, в конечном итоге все человеческие смыслы, ведущие к смыслу-Богу, увенчаются немислием, отсюда Бог — не смысл, а несмысл. Его несмыслие и нужно видеть в абсолюте, конечном пределе как беспредметное. Достижение конечного — достижение беспредметного. Достигать же Бога где-то в пространствах неба действительно не нужно — ибо он находится в каждом нашем смысле, ибо каждый наш смысл в то же время и несмысл.

19

Проведение новых религиозных систем имеет те же средства, что и все экономические, политические или гражданский техникум. Язычество унич-

тожало христианскую систему, потом христиане уничтожали еретиков, так и в гражданских системах одна уничтожает другую. Каждая система религиозная доказывает народу свое преимущество и благо достижения Бога, также и гражданская система доказывает свое благо и скорейшее его достижение в совершенствах. Речь обоих сводится к благу, но к какому благу? Первая видит благо в духовном бытии с духовным Богом, какое благо второй? — тоже сводится к этому, если принять во внимание развитие техники, которое должно освободить тело от физического труда, приняв весь труд на себя; что же будет делать тело? Оно освобождено, не думаю, что оно возьмет себе роль исключительно пожирания, у него должны быть другие потребности: новая физическая жизнь в духовном. Если же нет, то, освободив тело от физического, он докажет то, что построил или восстановил рай, в котором человек будет на положении Адама. Это будет означать то же небо, к которому собирается привести церковь, религия своих прихожан, с тою только разницей, что первая приведет своих прихожан без тела, а вторая оставит свой приход в теле. Но если принять во внимание второе пришествие Христа судить грешников, то увидим, что все умершие оденутся в тело и уже такими войдут в небо, так что в обеих системах, религии и фабрики, лежат одни и те же совершенства. Один Бог и одно благо, и если существуют упреки в предрассудках, то они являются непонятными для меня. Религия читает своему приходу священные писания о совершенствах своих святых, фабрика читает свои научные книги о совершенствах. Первая учит в священных писаниях, как достигнуть религиозного совершенства, чтобы стать святым; техникум фабрики учит тому же, как достигнуть ученого. Из всех учащих в религии единицы на протяжении веков или века встречаются святыми, тоже из сотен тысяч встречаются единицы ученых совершенных людей, остальные остаются грешниками как там, так и тут. Религия, или церковь, зачисляет к лику святых тех, кто совершил чудеса над техническим недугом человека. Фабрика зачисляет к лику ученых тех, кто совершил тоже чудо над техническим недостатком человеческой жизни. У обоих существуют язычники, убивающие проповедников религии и технических совершенств фабрики. Как тех, так и других сжигали, топили, преследовали. Как те, так и другие борются за совершенства, борются за Бога.

Стремление человека к единству — смутное стремление к тому, что предполагается видеть в единстве все управление в Боге, это единство в Тро-

ице, как управляющее Вселенной, в человеке, как управление своей всечеловеческой жизнью. Но человеческая жизнь разделилась на два понятия или познания жизни. Одно познание видит жизнь в духе как познание и служение Богу; и построило себе храм или церковь, в котором и проходит жизнь в служении, для чего творит свое производство средств, необходимое для служения. Второе сознание видит жизнь в служении совершенству самому себе, построило фабрику, в которой проходит служение в творении средств технических исключительно. Первое создает совершенство духовное, второе — тела. Рознь их, борьба материи и духа заставляют думать, что тело и дух два каких-то враждебных начала, существующие самостоятельно и независимо, но почему же между ними существует борьба? Потому ли, что в предвечном произошли их сцепления и сейчас хотят отторгнуться друг от друга и жить самостоятельно в своих планах. Но, с другой стороны, дух не может жить без материи, как и материя без духа; с третьей стороны, возникает вопрос, существует ли материя? И то, что мы называем материей, просто духовные движения, а может быть и так, что называем духом — движение материи. Но так или иначе, будет ли утверждено то или другое, не важно на сей раз, важно определение жизни, — появляется третье начало, определяющее, что есть жизнь, и от того определения и зависит, во что обратятся материя как дух или дух как материя; в одном случае принято, что жизнь истинная только в духе, в другом — истина в материи, таким образом, возникли два движения жизни — духовной и материальной, следовательно, предполагаемого сцепления двух начал не было, ибо было одно начало, рассматриваемое через два плана. Какое же это одно начало? Я обхожу два последних и ставлю началом возбуждение. Существует ли в нем дух или материя? По моим предположениям, материи не существует, ибо под материей разумею частицу неделимую, что, по моему выводу, во Вселенной не существует, следовательно, под материей общежитие разумеет известные плотности, но плотность есть делимое, следовательно, не может быть материей, то же и в духовном общежитие разумеет особое состояние, ведающее религиозным движением. Духовность действует в Боге, но, с другой стороны, духовное и дух составляют разницу; дух может быть всюду, в Божеском и в небожеском, говорим, нужно поднять дух армии, поднятие духа дает результаты — взятие крепости, уничтожение корпуса людей, если же поднимут духовное состояние, то армия пойдет с полей в храмы. Итак, дух и материя — начала, которые общежитие применяет к своим суждениям, реализуя их — чистое предметное техническое потребление, начала, ложно разделяемые и неверно понимаемые. Принявши плотность за мате-

рию, начинаем строительство мировоззрения как чего-то реального, действительного, так что оттого, как поймем основу, таков и будет реализм или действительность, оттого, каков фундамент, таково и здание. Человек можно сказать, что не выстроил ни одного здания, ибо мировоззрения, которые существуют, споры между собой, это только суждение о неизвестном, может быть, несуществующем. Здания еще нет, и я не уверен, будет ли оно когда-либо; не будет его потому, что человек стремится построить все на фундаменте, на законе, смысле, логике, практичности, т.е. на том, чего не существует в основах, им выведенных. Так, например, принимая за основу существования материю, он будет строить материальный мир как действительность; установив духовное, будет строить духовное. Но ведь все два доказательства находится в спорном, следовательно, реальность бытия находится у спорящих: у одного человека — духовная, у другого — материальная, отсюда у человека в его общей жизни существует две реальности мира, или жизни, но может быть и больше. Итак, один человек строит жизнь или здание на материальном законе или реальности, другой на духовном, и оба видят, но видит материалист то, что человек с духовным реализмом строит здание без крепкого фундамента, даже вовсе не верит, что существует фундамент; другой то же видит у материалиста, в результате объективной реальности для них не существует, у каждого своя, субъективная. Спор человека идет, а здания нет как нет, оба хотят доказать предметную основу как единственную прочность, а в действительности оба остаются в беспредметном.

21

Одинаково высоко Бог совершенства Религиозного и Гражданского техникумов. Так же бесконечно совершенство духовной души человека, как и производство фабрик и заводов. Одинаково отдалена линия горизонта материального совершенства как благо; так далеко и духовное благо; двигаясь к этому горизонту, двигаются через разный задор. Духовное движение ведет людей через путь уничтожения в себе своего «я» как разума и воли, «воля моя в Боге, на его волю полагаю себя и все дела свои». Следовательно, человек без воли и разума, ибо все это в Боге, вынудив из себя волю и разум, тем уничтожает себя. Смысл последнего в том, что, уничтожая себя как отдельно существующую единицу, сам Бог как единство будет распыленным. Если же он себя уничтожит, то находящееся Божеское воплотится в Бога, соберется в нем; поэтому разум и воля, находящиеся в нем, — Божеское, и он несет его к Богу. Что же в этом рассуждении существует? Человек, полагающийся на

волю Бога и поручая ему все дела, остается без воли и разума, признает себя несуществующим и всякое дело — делом Бога, но что же такое тогда человек? Я вижу один вывод, что человек в таком положении не существует, а существует Бог как воля, разум и совершенство. Религиозный духовный путь человека собирается только достигнуть неба, быть с Богом, но совсем не собирается воплотиться в него. Помирился человек с мыслью, что высоты, в которой существует Бог, не достигнуть, мало того, он даже не смеет думать об этом. И на самом деле, где та высота, где вершина, достигши которой мы бы сказали, вот мы на вершине всех вершин, мы совершенны, я, человек, теперь достиг той границы, в которой перестаю быть человеком, я Бог. Никто не достигает этой границы, ни Религиозный путь духовный, ни материальный, какие бы системы ни изобретали и как бы ни верили.

Итак, перед человеком стоит начертанный Бог, которого нельзя достигнуть, хотя воображение человека и ограничило его абсолютом.

22

Предметный путь просто свергает Бога, видя в нем один предрассудок, а людей, строящих жизнь на духовном Религиозном, считает просто недомыслием, не смогших домыслить того, что здание их строится на предрассудке, опирающимся на Бога. Подводя Бога в фундамент жизни, подводят пустоту. Материалист же уверен, что он строит свою жизнь на фундаменте из материи, но мне думается, что не будет ли и фундамент материалиста тоже построен на предрассудке, ибо что есть материя? Под материей я разумею плотность, а что такое плотность, из каких она состоит частиц неделимых — неизвестно. Так же, как нельзя сказать, что Бог состоит из трех частей.

Суждение человеческое построило Бога на трех началах — Бога, Духа и Сына. Это такая же точность, как и определение материальной единицы, и потому не будут ли оба фундамента предрассудком. Общежитие строит фундамент, будучи уверено в том, что берет камень, ничто другое; но уже для научного исследования не будет это камень, а плотность, состоящая из бесчисленного количества плотностей вовсе не каменного происхождения, и что общежитию доказано примером, что камень превращаем в пар подобно воде, в жидкое состояние как известную плотность, определить же в последней материальные единицы вряд ли представляется возможным. Итак, реализм общежития, и во многих случаях науки, может потерпеть неудачу в смысле определения точности состава частиц. И таким образом, человек, строя дом на каменном фундаменте как на чем-то неопровержимом, крепком, неделимом, может ошибиться в своем реализме.

Я, фабрика, в воле Бога вижу один предрассудок, только моя воля во всем и во мне смысл всех совершенств, «я устрою царство небесное на земле, и не на небе, и потому я есть Бог» (опять Бог «небесное царство» на земле). Я в руках держу мир моторов, земных и воздушных, я бросаю их в пространство и даю материи новую форму. «Но вернее было бы, даю форму своему суждению (но материи дать форму, увы, никакой Бог не в силах), «в моих руках провода электричества (о которых так недавно узнал), земля станет новым началом, я только один всемогущ и могущественен, я есть действительность, я ясная наглядная сила явлений материи». «Я владыка мира, ибо в руках моих труд» и «я Вселенная, ибо я владею ею». Не будет ли в этих словах скрыта причина — «овладения всеми Божескими силами». «Быть владыкой мира» только может быть Бог либо тот, кто взял все его особенности, но если человек возьмет все особенности у Бога, не возьмет ли и все его предрассудки и не построит ли царство небесное на земле на тех же предрассудках. Очевидно, человеку, свергающему Бога, нужно строить мир свой, небо свое на совершенно новых началах — «действительных наглядных причинах», а не на Божеских беспричинных предрассудках. Но оказывается, все человеческое производство строится на тех же основаниях, что и мир Божий. Если всякое творение Бога в мире питается, то и всякая новая машина тоже требует питания; материалист и берет последнее за причину всех причин, и оттого, что все хочет питаться, и загорается сыр-бор, это самая наглядная причина всего материального учения. Но только, несмотря на всю наглядность, я сомневаюсь в ней, ибо не могу представить того, чтобы мир как Вселенная потому только построен, что некогда что-то захотело есть. Если бы в этом ничто не возник аппетит, то Вселенной не существовало бы <?>

Итак, два человека представили себе по-разному Вселенную, один видит в ней духовное начало, другой материальное, один строит на духовном начале, видит нечто большее над тем, что видит материалист, материалист же видит мир как материю самопожирающуюся. Бiggerее духовного заключается в том, что духовное творит не ради себя пожранья, а ради своей беспредметности; материалист же видит творение той же материи как цель самопожранья — творит предметы для своего аппетита. Но, с другой стороны, научно доказанная наглядность говорит, что материя не исчезает, ее нельзя ни сжечь, ни спечь, ни поесть; так как же понять материалистическое осознание материи, которое есть то, что не может <ни> поесть само себя, ни сварить в котле и ни съесть без остатка. Если это так, то действие предметного созна-

ния — пустое действие. Видеть же в этом действии какую-то высшую причину и давать преимущество ей не вижу больших заслуг, чем духовному, даже Религиозному миропониманию. Вообще перед обоими миропониманиями стоит все та же беспредметность.

Если же предметное сознание в предметных сооружениях видит только вышку, с которой возможно разглядеть мир, достигнуть того, чтобы материя увидела все свои видоизменения, то это то же простое дамское любопытство осматривать себя в зеркале. Предметное мышление занято постройкой зеркала, видеть мир — причина самой материи. Но и в этом «если» тоже совершенства нет, ибо зеркало все-таки не покажет всех сторон материи. Движение предметного сознания идет к тому совершенству, которое все-таки достигло бы своего смысла, именно построить таковой аппарат, чтобы насытил аппетит предметного сознания; другими словами сказать, собирается построить так материю, чтобы она все-таки удовлетворила свой аппетит. Последнее же — все возможно достигнуть тогда, когда будет съедена без остатка материя. Церковь стремится через свою религию привести сознание человека к Богу как совершенству, материалистическое стремится достигнуть совершенства в машине как самопитании, одни думают питаться Богом, другие — машиной.

Стремясь себя сделать владыкой мира, фабрика в то же время говорит «что», чтобы достигнуть последнего, нужно «все» знать, познать, осознать, исследовать, «научно обосновать», ибо только тогда возможно быть владыкою и управлять миром, когда все знаешь. И опять это «все», как бы это «все» собрать и удержать его, чтобы исследовать и распознать, как бы это «все» собрать и сделать его предметом нашего окончательного изучения. А как много на вид кажущихся предметов окружает нас, а как только коснешься их умными приборами, то они разбегаются, и чем заостреннее ум, тем дальше вглубь,вширь, вниз, <в> высоту разбегаются предметы нашего изучения, как бы борясь за свою беспредметную истину, не хотят быть предметами, и наша воля, разум, практика, «наглядное постижение» разбивается об их беспредметную истину или просто беспредметность без всякой истины.

Определив Бога как абсолютное — определили совершенство, и, не смотря на это, все-таки это «все» ускользает, его границы неуловимы в абсолютном, и не можем управлять границами. И на самом деле, как бесконечны миры Вселенной, неисчислимы туманы несущихся солнц со своими системами, какой таксометр измерит их скорость и пройденное ими пространство? Вся бесчисленность солнечных туманов несется во мраке, и мы со своею

Землю, как пылинку в общей пыли миров, несемся в безумном вихре и до сих пор не можем установить, откуда и куда летим, зачем и какой смысл в этом бесконечном вихревлечении. И человек всю эту неисчислимость хочет исчислить и сделать предметом своего изучения и «научного обоснования» наглядностью примера через опыт, а над чем, над каким предметом производить опыт? Пусть же скажет человек, когда будет тот день, когда последний раз прогудит свисток на фабрике труда, когда скажет научный техник, что все кончено, последняя смена, «все» узнано, и человек на фабрике крикнет — довольно, труд окончен, исследовано все. Я на вершине миров, или миры поглощены мною, я овладел совершенствами, «я — Бог».

24

Усилие человека в труде — существует потому, что он через труд собирается разрешить практический вопрос. Но, будучи не в силах завершить вопрос, в единой вещи достигнуть предел, вынужден трудиться, достигать его дальше, так проходят века, и вопрос остается неудовлетворительным. Может ли наступить момент, когда человек удовлетворится светом? Вначале изобретение лучины было, конечно, большим достижением, но человек не удовлетворился и нашел керосин, потом электричество, кажется, что с введением электричества должен закончиться вопрос — свет достаточен, но ведь работа по свету идет дальше, и, может быть, со временем наши электрические лампы просто будут копилками. Итак, конца нет, нет того предела, где человек скажет — вот исчерпано все. И оттого, что невозможно предвидеть, предусмотреть всего, случается катастрофа построенного, непредусмотрительность являет грех. Как странно построен мир, что человеку нужно постигать, изучать, строить специальные приборы, чтобы раскрыть действительность мира, раскрыть туманности в бездне небытия. Еще он не владыка, когда производство его вещей служит для преодоления неизвестного, фабрики и заводы существуют только тем, что существует неизвестное совершенство, скрытое в природе, и они стремятся собрать его в един~~ств~~о своей технической машины. Таковое дело я бы считал высшей основой материалистического сознания, но не причину достижения материалистических благ, построенных на причине питания. И потому строить мир как производство питательных совершенств — чистый предрассудок. Материалистическое сознание, если оно строит просто леса, чтобы подняться к туманностям и стать самим туманом в вихре всего космического вращения, не вдаваясь ни в какие научные и «наглядные причины», считал бы положительною стороною, но <одно> только ма-

териальное сознание просто как «борьбу за существование» и борьбу с природой преодолением считаю безумным. Все производство как бытие, как необходимость вынуждено противопоставить производству как борьбе. Через производство он<о> бытие. Но может быть, что и не только бытие в том, что творю предметы, но и в том духе возбуждения, который существует в человеке, что, может быть, одно стремление к постижению того, что нельзя постигнуть, тоже будет бытием. Человек может существовать не только потому, что мыслит, но и потому, что возбужден, что и есть его первоначало жизни. Мысль же — это только известное состояние возбуждения. Бытие есть действие, но, действуя, можно и не быть, быть — значит делать предметы целеполезные, действовать без цели можно посчитать за небытие. К какому же бытию стремится человек? Стремится к покою, т.е. к недействию, и каждое его машинное совершенство говорит о том покое. Так, по крайней мере, человек думает, что машина облегчит его труд, а в будущем, может быть, и совсем даст ему отдых. Что же будет освобождаться в отдых, мышцы и напряжение в умственных изобретениях, что же остается в действии у человека — мысль о непрерывных постижениях несуществующего, ибо постигнуть действительность нельзя, постигается свое собственное сочинение как представляемость несуществующего, но в этом бытии не указаны средства, какими возможно познать действительность, ибо средства возникают тогда, когда существует препятствие, но раз нет препятствия, то не может быть и средств. Постигание мира как материалистическое бытие или постижение как духовное, это только сочинение бытия, в котором и нужно совершать постижение.

25

Человек, достигший совершенства, одновременно уходит в покой, т.е. абсолютом, освобождается от познаний, знаний и разных доказательств и не может скрыться от Бога, ибо Бог сделан абсолютом, свободным от всякого действия.

Бог — покой, покой — совершенство, достигнуто все, окончена постройка миров, установлено в вечности движение. Двинется его творческая мысль, сам же он освободился от безумия, ибо больше не творит, и Вселенная как мозг безумный движется в вихре вращения, не отвечая себе куда, зачем. Итак, Вселенная — безумие освобожденного Бога, скрывавшегося в покое. Также человек, достигший совершенства, освободится от своего безумия, станет Богом. Но человек не выносит покоя, вечный покой его страшит, ибо он означает небытие, и когда приближается веч-

ный покой, приближается к Богу, он подымается со всеми своими силами своего безумия и кричит «Нет, я хочу быть», иначе говоря, «Я не хочу быть Богом!»

26

Мысль моя пришла к Богу как покою или небытию — к месту, где уже нет совершенств. Но что есть цель всех совершенств? В совершенстве заключается предел наступающего ничто как бездейственный покой. Таков должен быть Бог. Если так, то религиозный путь — путь наименьшего сопротивления, признающий в себе «ничто» человека, оставляя «что» Бога. Таким образом, религия видит в человеке «ничто», «небытие», а в Боге «бытие». Фабрика же видит в человеке «что», а в Боге — «ничто», но так как Бог — покой в совершенстве, и фабрика видит тоже в совершенстве покой, то тем самым приходит к Богу как покою!

Религия, стремясь к Богу, стремится человека превратить в «небытие», а Бога в «бытие». Но превратить человека в бытие не удастся, ибо в нем признает душу, которая и будет «бытием» в Боге, так что достижением Бога в религиозном совершенстве еще не достигается полного покоя — уничтожения человека, ибо человек освобождается только от тела и остается в его душе, а душа еще должна как-то действовать в Боге и в небе.

Чтобы достигнуть полного покоя или уничтожения себя, необходимо освободиться и от души, но душа в религиозном техникуме пока неделимый атом. Если религия видит Бога как бытие, то и всякая вещь в мире тоже бытие, ибо каждая вещь имеет в себе Бога, частицу совершенства (общезитие), а если глубже рассмотреть каждую вещь, то в ней весь Бог со всею бесконечностью или абсолютом совершенного. Что вещь не обратима в предмет постижения, как и сам Бог (общезитие), отсюда появление вещей или человека на алтарях в религиозных торжествах логически оправдываемо, ибо в вещи и человеке существует Бог как совершенство. Не иначе обстоит дело и на фабрике, алтарь ее увешан портретами людей, в которых живет совершенство, то есть Бог, и тоже существуют инженеры, изучившие их совершенство, как священники святое писание, и как первые учат совершенству тому, которые постигли у учителей своих, так и вторые учат тому, что постигли в совершенной жизни святого учителя.

27

Человек разделил жизнь свою на три пути, на духовный, религиозный, научный, фабрику и искусств. Что означают эти пути? Означают совершенст-

во, по ним движется человек, движет себя как совершенное начало к своей конечной представляемости, то есть к абсолюту, три пути, по которым движется человек к Богу. В искусстве Бог мыслится как красота, и потому только, что в красоте Бог. Религия и фабрика призывают искусство, чтобы оно их облачило в ризу красоты, как бы не доверяя своей завершенности. Так торжественно движется религия в искусстве, так же и фабрика. Но, несмотря на взаимность, все-таки каждый путь считает себя первостепенным и истинным путем к Богу, самостоятельным учением и познанием Бога. Каждый проповедует Бога, в своем пути соединяющимся в одном слове (общезитие) совершенство.

28

Религиозный человек в церкви своей говорит: «Я стою на истинном пути, церковь моя ведет к истинному Богу, все то, что говорит человек вне церкви, есть тлен, только через меня душа перенесется в те вселенные высоты, куда никакое человеческое изобретение не достигнет, ничто так высоко не поднимает душу, как молитва, никакая катастрофа или смерть человека не страшна, ибо душа не подлежит никакой катастрофе. Смерть существует только для тела как технического вместилища, душа же вечно существует, ибо она не что иное, как частица Бога. Так все Божеское собирается к нему. Душа не смертна, Бог не смертен, все не смертное есть Бог. И потому душа в человеке не что иное, как частица бессмертного Бога». Такие условия церкви. Правда, как всякие условия, <они> могут быть опровергаемы или иначе формулированы. Например, очень важно знать, существует ли душа в человеке. Если говорят «душа человеческая» — неверно, души человеческой не может быть, ибо душа бессмертна, а все бессмертное — Божеское, отсюда вытекает и другое соображение, вполне логически оправдываемое, что душа никогда не может быть погрешима, как бы тело ни было греховно, ибо Бог безгрешен, он может только уйти из греховного тела, и человек как мясо может быть без души. Но если, паче чаяния, существует материя или другая сила, составляющая тело, которое не исчезает ни при каких условиях, то, следовательно, оно тоже бессмертно, то <и> все тело как материя есть Божеское тело. Следовательно, мир безгрешен, ибо тело и душа — Бог. Итак, мною оправдан мир от греха. Что же является жизнью для церкви? Духовное состояние человека. Но в чем помещается духовность? В душе, ибо тело грешно, и когда душа убьет грех в теле, оно становится святым, превращается в Бога, тело исчезает, становится душою, но греха больше нет, есть Бог. Душу Бог не может наказать, ибо она его часть, тело как бессмертное тоже. Отсюда наказаний нет в Боге.

29

Искусство признает себя как главное и говорит: «Я указываю человеку красоту, а что может быть выше и совершеннее красоты, — видящий меня, не видит греха.

Кто владеет мною, тот владеет и живет красотой, во мне нет греха, как в остальных истинах, ибо, если бы во мне не было красоты, не прикрывали бы мною свои истины другие учения, а при прикосновении моем все становится переполненным в красоте как совершенстве. Во мне гармония Бога, и потому мир сей совершенен, придите ко мне, и кто войдет, тот войдет в гармонию, тот услышит себя в общей гармонии. Я кладу венец на все и венчаю красотой гармонию. Я могу возгордиться тем, что во мне Бог, ибо только во мне гармония, а в гармонии нет греха. Во мне истинный мир человеков, во мне нет ни тюрем, ни наказаний, ничто не может сравниться со мною, ибо я уже достигла Бога. Все остальное еще разделено на чины, больших и малых, святых и грешных, еще находятся в войне и пребывают в крови и цепях, кто же хочет слушать гармонию ритмов: пусть идет в мой путь».

30

Фабрика опровергает два последних и в свою очередь говорит: «Я перестраиваю мир и его тело, я изменяю сознание человека, я его сделаю вездесущим через познание во мне совершенств, и я буду совершенно знающим, я буду Богом, ибо Бог только знает дела Вселенной, Вся стихия соберется во мне, и я буду вечностью. Я сделаю человека зорким, слышащим и говорящим на многие пространства, я выстрою технику его тела в совершенном образце. Я согласую всю его волю в себе, поглощу волю ветров, воды, огня, атмосферы и сделаю все это единым, принадлежащим человеку. Да в конце концов весь мир просто неудавшаяся техническая попытка Бога, которую построю в совершенстве». Кто же так смело говорит устами фабрики? а вдруг устами ее кричит сам Бог.

31

И так человек, разделившись на три, и пошел тремя путями к совершенству, как будто не доверяя одному какому-либо пути, не будучи уверен, что найдет в нем Бога или истину, ведущую его к совершенству, как благу или Богу. Но, разделившись, каждый в пути своем нашел истину и построил церковь, и вместо единого построили три единства спорящих между собою истин. В истине думают найти благо, для этого производят ее, и потому каждое

производство есть благо и не благо, ибо его нужно делать. Делать благо, делать истину, ибо истина в производстве фабричном еще не достигла того блага, которое достигли Религия и искусство, ибо здесь каждый делает себе сам благо и развивает духовное свое начало. Фабричные люди делают блага, которыми пользуются не делающие их, поэтому новые учения социализма стремятся, чтобы все делали блага для себя в целом, и тот, кто не делает их, не пользуется ими. Поэтому церковь говорит: «Тот, кто не молится и не делает блага, не попадает в царство небесное», фабрика тоже объявила такой же лозунг: «Кто не трудится, да не ест». Тот и другой человек, не делающий блага, не получит их, не будет пользоваться царством благ. Для обоих делание благ имеет значение, решающее проблему достижения небесного, Божеского царства как блага окончательного. Логически должно быть так, ибо поставлено совершенство в цель. Если кто-либо из них скажет — хочу вечно совершенствоваться, быть бесконечным, равно сказать, хочу быть в бесконечном Боге, ибо человек определил цель свою бесконечностью Бога. Благо Религии заключается в достижении небесного царства, в которое человек войдет, освобожденный от всех физических недугов во всех смыслах тела, и чистый в душе сядет по одной из сторон Божеского трона; в вечной молитве освободится от всякой заботы телесной, ибо в небесном царстве достигнуто совершенство, где не нужно кормить тело — не нужно ничего преодолевать, все сделано и преодолено, остается одно духовное действие.

Что же думает достигнуть фабрика, завод — через труд достигнуть освобождения от труда. На это указывает забота и стремление освободить себя в машине, пока же она только облегчает труд человека. Если через труд человек освободит себя от труда, то и церковь через молитву должна в царстве небесном освободить человека или душу от молитвы, ибо какие молитвы можно творить, когда уже все достигнуто и приобщено к Богу, тем более, если принять, что душа есть частица Бога. Итак, в будущем у человека не будет ни фабрик, ни заводов, от этого он избавится при достижении блага; фабрики и заводы больше не будут вырабатывать благо, ибо оно, единое благо, достигнуто в совершенстве или Боге. Таким образом, в будущем не будет ни церкви, ни фабрики, ибо они были только проводниками народа. Таким образом, фабрика стремится в будущем освободить человека из всего материального, физического, больше ему не придется преодолевать материи. Не будет ли в этом тождества с духовною церковью, стремящейся освободить душу от тела как грешной материи. Но в небе, очевидно, душе нужно будет

действовать в молитвах, что же это будет за действие — будет новое сложение молитвы через мысль о Боге. Не будет ли и в этом тождества в фабрике, через которую человек придет к совершенству действия одною мыслью, и весь технический аппарат будет двигаться, мысль моя движет мое техническое тело, все же функции выполняются помимо моей мысли управляющей, все функции вышли из власти моей мысли, и ими не нужно управлять. Итак, полагаю, что фабрично-научное совершенство стремится к тому же, чтобы его построенное производство совершало все функции помимо его физического, а дальше вышло и из власти мысли. Во всех сравнениях видно, что церковь и фабрика идут к одному (Богу не указываю места). Но между ними есть большая разница, разница в том, что церковь освобождает душу из тела, признавая ее бессмертной, одни пока души несутся к небу. Фабрика поступает противоположно: души как бы она не знает, видит перед собою «наглядно» без всяких «научных оснований» человека, этого человека она стремится превратить в душу, сделать его не материальным, а духовным, или духом нового тела. Готовит новое тело для человека как духовной силы, и получится подобие того человека, которого церковь разделяет на тело и душу. Бронированное орудие, автомобиль, представляет собою небольшой образец сказанного. Если человек, сидящий в нем, еще разделен с ним, то просто потому, что данное тело, одетое человеком, не может совершать всех функций, сам же человек как организм технический может выполнить все функции, нужные душе, и потому душа живет в нем и выходит из него тогда, когда функции его не выполняются; если бы автомобиль был в совершенстве выполнения всего необходимого для человека, человек никогда не вышел бы из него. Признаки последнего существуют в большем разрешении; например, гидроплан, воздух и вода вмещены в нем, и когда будет обеспечено все, то человек больше не выйдет из своего нового тела.

Итак, фабрика и завод собираются человека привести в новое механическое царство, оковав его тело как душу в новую одежду или орудия, и в царстве том человек будет представляем, как ныне представляется форма души в человеке. Церковь же приведет душу в небесное царство; в обоих состояниях будет еще действовать мысль, но мысль уже не во всем будет иметь власть, некоторые возбуждения останутся вне ее. И это будет признаком того, что близость Бога не далека. Ибо мысль оканчивает свою физическую работу, и начинается царство немыслящее, наступает покой, то есть Бог, освобожденный от всего творения, находящийся в абсолютном покое. Ничто больше

не нуждается в Боге, как и Бог в нем. Он больше не управляет техническим своим царством. Итак, все стремится к покою или Богу как немыслящему состоянию.

32

Бог не трудился, он только творил, таким творцом сделала его человеческая мысль в представлении своем. В шесть дней или через шесть раз «Да будет» совершил творение мира. Неосторожность человека обрушила гнев Божий на него, за что творец проклял его трудом, рождением, потом и кровью (общезитие). Но действительно ли человек согрешил и мог ли Бог его наказать? Этого не могло совершиться, ибо Бог, сотворив мир, удалился в вечный покой, вошел в седьмой день в царство свое немыслящее, следовательно, он уже не мог знать, что случилось с его творчеством, несмотря на то, что он всезнающим должен быть, но, может быть, он и знал, что случится с Адамом, но, может быть, это так нужно. Во всяком случае, войдя в седьмой день, вошел в полный покой, ибо построил в совершенстве мир. Необходимость войти в отдых Бога — обязательное условие, ибо если Бог не ушел бы в покой, то вынужден был бы бесконечно строить, а раз творить дальше, значит не быть совершенным. Бог не мог дольше творить, ибо построил совершенство, выше которого нет. Сотворив мир, он ушел в состояние «немыслия», или в ничто покоя. Выгнал ли человека Господь из рая или нет, но я больше склоняюсь к тому, что он <человек>, увидя совершенства, в представлении своем нашел их несовершенными и начал вновь творить по образу и подобию Бога. Может быть, эта причина как непосильна<я> работа и стала его проклятьем в труде, тоже мозолей и крови. Также по наивности установил себе шесть дней труда, в которые и думает построить новый мир как рай благ, а в седьмом быть в вечном отдыхе, как Бог, но на деле оказалось иначе, неделя за неделами идут, а каждый день мнимого отдыха только больше обнаруживает несовершенств, и с понедельника опять начинается работа по совершенствам. Седьмой день для Бога был отдыхом, а для человека только вышкой, с которой видны всегда его ошибки, и в этом разница между ними.

33

Бог построил совершенство (общезитие), но из чего построил, зачем и какие причины побудили его строить, какие цели и смысл был в его совершенстве, все это пытается разобрать человеческое представление; разбирает то, что представило себе, но так как всякое представление не действитель-

ность, то и все разбираемое представление не может быть действительностью, следовательно, все разбираемое — ничто, то есть Бог, вошедший в покой, и получилось, что ничто было Богом, пройдя через совершенства, стало тем же ничто, ибо и было им. «Ничто» нельзя <ни> исследовать, ни изучить, ибо оно «ничто», но в этом «ничто» явилось «что» — человек, но так как «что» ничего не может познать, то тем самым «что» становится «ничто»; существует ли отсюда человек или существует Бог как «ничто», как беспредметность? И не будет ли одна действительность того, что все то «что», <что> появляется в пространстве нашего представления, есть только «ничто». Всякий же опыт или движение поезда или ядра, разрушающего стены, убивающего людей, не есть доказательство, будучи очень наглядным и убедительным, что последнее существует; я не могу себе представить себя, где я начинаюсь и где кончаюсь и какую часть тела моего прошло ядро, ведь для того, чтобы пролететь, ядру необходимо не только преодолеть пространство, но уничтожить и сонмы жизней, не видимых нам; но уничтожило ли оно их или изменило ли их движения — нет, ничего не изменилось, ибо ничего нет. Если бы было в мире что-либо, то не было бы «что». Итак, нет ничего удивительного, что Бог построил из ничего Вселенную, так же, как и человек строит все из ничего своего представления, и то, что представилось ему, не знает, что <он> есть сам творец всего и сотворил Бога тоже как представление свое, но если человек всю представляемость посчитал за Бога и нашел, что душа и тело не смертны, то очевидно, что нет ничего во Вселенной, как только «он», ибо «он» не смертный. Человек же смертный, но так как нет ничего смертного, то нет человека. Представление о смертном и неверно, ибо разрушило бы Бога. Отсюда, чтобы разрушить Бога, нужно доказать смерть души или тела как материи, но так как науки и всякие другие попытки доказать последнее не могут, то и скинуть Бога нельзя. Итак, Бог не скинут.

Возможны доказательства того, что не существует материи, как и я доказываю всю рукописью, но науки доказывают существование энергии, составляющей то, что называем телом.

Совершенством вселенного миродвижения или Бога можно считать то, что самим человеком обнаружено доказательство того, что ничего не исчезает в ней, только принимает новый вид. Таким образом, исчезновение видимости не указывает, что все исчезло. Итак, разрушаются видимости, но не существо, а существо, по определению самим же человеком — Бог, не уничтожимо ничем, раз не уничтожимо существо, не уничтожим Бог. Итак, Бог не скинут.

Как я раньше говорил о том, что ничего нельзя доказать, определить, изучить, постигнуть, то и все определения остаются недоказанными, ибо если бы было что-либо доказано, было бы, конечно, для Вселенной и самих себя. Отсюда всякое доказательство простая видимость недоказуемого. Всякую видимость человек называет предметом, таким образом, предмета не существует в доказуемом и в недоказуемом.

1920 г.